

Мария Роднева

Дневник Невестки

Мария Роднева
Дневник Невестки

«Автор»

2025

Роднева М.

Дневник Невестки / М. Роднева — «Автор», 2025

Знаешь, как бывает? Живешь, стараешься для всех, сглаживаешь углы. Тебя называют «наша Алинка», «умница наша», а за спиной решают твои дела. Думают, ты не заметишь, не поймешь. Что мечту твою можно в дальний ящик засунуть, а на твою долю в квартире и так найдется претендент. И вот они сидят, улыбаются тебе за общим столом, а ты смотришь на них и понимаешь: всё. Хватит. Эта книга не о скандалах с битьем посуды. Нет. Она о том самом моменте, когда внутри щелкает переключатель. Когда вместо слёз появляется ледяное спокойствие. Когда ты молча собираешь доказательства, раскладываешь по полочкам все их слова и поступки, а потом просто предъявляешь счёт. Прямо там, между супом и горячим. И это не про то, как всё разрушить. Иногда, как ни странно, это единственный способ заставить себя уважать и наконец-то навести порядок в собственном доме. Показать, кто тут на самом деле хозяйка своей жизни.

© Роднева М., 2025

© Автор, 2025

Мария Роднева Дневник Невестки

Когда муж и свекровь уничтожили мой проект, я пригласила на праздничный ужин, где главным десертом стала видеозапись их преступления

– Красиво. Почти как настоящая, – голос мужа, Дмитрия, прозвучал за спиной, и я вздрогнула.

Он смахнул невидимую пылинку с угла 3D-макета, над которым я провела без сна последние две ночи. В этом жесте было столько снисходительной небрежности, что все мои пятнадцать лет в архитектуре, диплом с отличием, восхищение профессоров и горящие идеей глаза мгновенно съжились до размера детской поделки из картона.

– А ужин сегодня будет? – добавил он с добродушной улыбкой, которая должна была смягчить удар, но на самом деле пропитывала его ядом.

Я молча кивнула, чувствуя, как стены моего кабинета начинают давить. Ушла из крупного бюро, сбежала из болота, где талантливые коллеги на моих глазах «прокисали», превращаясь в циничных исполнителей чужой воли. Мой уход «в никуда» был прыжком с обрыва.

А этот тендер на проектирование эко-квартала – единственной соломинкой, за которую я уцепилась в полете. Здесь, среди чертежей и запаха остывшего кофе, я была не просто Алиной. А была Архитектором. Но стоило переступить порог, и я снова становилась «Алиночкой», которая играет в свои «картинки».

Это была не просто бестактность. А методичная, удушающая осада, которую любовно выстроила его мать.

Ирина Павловна, бывшая завуч с прямой спиной и стальным голосом. Ее муж, отец Дмитрия, – талантливый, но непрактичный учёный, который презирал быт и витал в облаках, пока она «тащила» на себе семью.

Теперь в моих горящих глазах она видела призрак своего прошлого, угрозу стабильности. Поэтому вела свою тихую, методичную войну.

Началось с малого. Звонки посреди рабочего дня.

– Алиночка, здравствуй. Не отвлекаю? Ой, ты занята... Я просто хотела сказать, что Димочка так похудел. Ты его хоть кормишь там, со своими проектами? Мужчине, знаешь ли, борщ нужен, а не чертежи.

Потом к атаке подключился и Дмитрий. Не прямо, нет. Он же «оберегал» меня от чрезмерных амбиций. Однажды вечером вошел в кабинет с чашкой в руках. Я думала, это кофе. Оказалось – валерьянка.

– Милая, ты такая нервная стала, я о тебе беспокоюсь. Может, отдохнешь?

За неделю до этого она приходила «помочь с уборкой» и «случайно» пролила воду на стопку моих референсных альбомов по скандинавской архитектуре. Страницы пошли волнами. «Ой, какая я неловкая!» – сказала она, но в ее глазах не было и тени сожаления.

Воскресный обед за месяц до катастрофы

Я с восторгом, захлебываясь, рассказывала о концепции «умных» домов, о зеленых крышах. Ирина Павловна слушала с кислой улыбкой, помешивая ложечкой чай. А потом, не глядя на меня, повернулась к сыну.

– Я тут одну знакомую встретила... Она тоже в бизнес ударилась, всё доказывала что-то. Мужа забросила. А он, бедный, помыкался-помыкался, да и ушел к другой. Попроще. Которая

пирог печет. – Она сделала паузу и посмотрела прямо в глаза Диме. – Мужчине, сынок, нужен дом. А не филиал офиса.

Я видела, как в его взгляде что-то тускнеет. Как посеянные ею семена сомнения начинают прорасти. «А ты уверена, что справишься?», «Может, не стоит так рисковать?».

– Дима, я не твой отец. А ты – не твоя мать. Мы строим свою историю, – твердо ответила я.

Но он уже не слушал. Слушал мамины страхи.

Спектакль был разыгран за два дня до сдачи тендера. Он пришел поздно, с лицом, полным вселенской трагедии, держась за сердце.

– Алин, беда! Маму в пенсионном фонде обманули, какие-то мошенники! Нужно срочно жалобу писать, а мой компьютер виснет! У нее давление подскочило, я скорую вызывал! Ты же знаешь, у нее сердце, я не могу ей отказать! Можно я на твоём ноутбуке? Всего часик, я быстро.

Я смотрела на его умоляющее лицо и ненавидела себя за то, что мой дедлайн казался мне важнее ее «больного сердца». Ненавидела его за то, что он ставит меня перед этим чудовищным выбором. Отказать – значит быть бессердечной тварью.

Согласиться – значит предать себя. Скрепя сердце, я кивнула. Он просидел в моем святилище около часа. Когда он вышел, на его лице было странное, виноватое облегчение.

Утром, до дедлайна оставалось восемь часов. Я совершила свой утренний ритуал: сварила крепкий кофе, открыла окно, впуская свежий воздух, села за стол, предвкушая финальный, победный рывок. Папка «ЭКО-КВАРТАЛ_ФИНАЛ» была на месте. Я кликнула.

Папка была пуста.

Первая мысль – сбой. Ошибка. Не туда сохранила. Дыхание перехватило. Я начала лихорадочно, но методично прочесывать диск. Поиск по имени файла. Поиск по типу. По дате. Ничего. Облако? Синхронизация отключена. Корзина? Идеально чистая.

И тут позвоночник продрало ледяной струйкой. Не страх. Холод. Слишком чисто. Как место преступления, которое тщательно замели.

Я набрала номер мужа.

– Какой ужас! – его голос фальшивил так, что уши сводило. В нем было слишком много драмы и ни капли подлинного шока. – Наверное, вирус... Алин, ну не убивайся ты так. Значит, не судьба. Это всего лишь работа. Я сейчас приеду, что-нибудь вкусное привезу!

«Всего лишь работа». Эта фраза стала приговором.

Через час приехала свекровь с тарелкой еще теплых пирожков. Приторный запах ванили наполнил мой кабинет, смешиваясь с запахом катастрофы. Он был неуместным, оскорбительным.

– Ну вот и славно, – сказала она, ставя тарелку на мой чертежный стол. – Отдохнешь наконец. Будешь нормальной женщиной, женой. Семья – вот главный проект.

Я смотрела на их «сочувствующие» лица и с ледяной ясностью понимала: это не сбой, а диверсия.

Я заперлась в кабинете. Не плакала. Думала. Я архитектор. Моя работа строить. И сейчас я построю им ловушку.

Звонок Косте, другу детства, айти-гению, был коротким. Мы с ним еще в песочнице замки строили.

– Кость, мне нужна помощь. Полное восстановление данных и установка шпионского ПО. Срочно. И чтобы никто не заметил.

Он приехал через час под видом «мастера по настройке роутера». Увидев мое лицо, он все понял.

– Так. Понятно. Дай-ка мне «пациента». Сейчас будем проводить вскрытие.

Через два часа вердикт был готов. Он развернул ко мне экран с системными логами.

– Кто-то готовился. Удаление произошло вчера в 23:15. С USB-устройства Kingston DataTraveler. Файлы не просто удалили, а затерли специальной утилитой 'Eraser'. Профессионально, сволочи. Твоя свекровь, говоришь, завуч? Похоже, она хорошо умеет стирать с доски.

Пока он колдовал над восстановлением, я смотрела на эту строчку в логах, и моя наивность умирала. Когда на экране начали появляться мои чертежи, один за другим, я не почувствовала радости. Только холодную, звенящую решимость.

– Просто восстановить – это половина дела, – сказал Костя, будто прочитав мои мысли. – Они не просто файлы удалили. Они пытались тебя стереть. Они должны быть наказаны. У тебя же камера на ноуте есть? Давай поставим «жучка», который будет писать все, что происходит на экране и вокруг.

Я вышла из кабинета, изображая полное поражение. Вечером, оставив ноутбук на кухонном столе с папкой «ЭКО-КВАРТАЛ_ВОССТАНОВЛЕННЫЙ» на видном месте, я легла «спать». А на следующий день объявила:

– Раз уж я теперь «свободна», давайте устроим семейный ужин. Нужно же отпраздновать начало моей новой жизни.

Они сияли. Ведь победили. За ужином они были сама любезность, строили планы на наш отпуск, на ремонт в детской. Я смотрела на них и видела двух мародеров, пирующих на руинах. Я приготовила их любимую утку с яблоками, налила вино. Это был мой «последний ужин».

После десерта я сказала:

– Знаете, я тут подумала... Мой проект хоть и погиб, но он был красивым. Я хочу показать вам, над чем я работала.

Я подключила ноутбук к большому телевизору. Первый слайд – заглавная страница моего проекта. Они смотрели снисходительно, с жалостью. Второй

– рендеры центральной площади.

– Очень мило, дорогая, – сказала свекровь.

– А теперь, – я переключила экран, – я покажу вам другой проект. Называется «Как убить мечту».

На телевизоре появился рабочий стол моего ноутбука, каким он был прошлой ночью. Я нажала «Play». Видеозапись действий курсора, открывающего мою папку, окно утилиты 'Eraser'. Дмитрий напрягся, пытаясь выкрутиться: «Я просто хотел помочь, почистить мусор...».

– Случайно? – я посмотрела на него с ледяной улыбкой. – Давайте послушаем, как звучит эта случайность.

Я включила звук.

Голос Дмитрия (шепот): «Мам, я все сделал, как ты сказала. Файлы удалил».

Голос Ирины Павловны: «И затер? Точно затер? Чтобы не восстановила?».

Голос Дмитрия: «Да, мам, утилитой, как ты и гуглила. Все. Теперь она точно будет дома сидеть».

Я видела, как у Дмитрия задергался уголок рта. Она попыталась заговорить, что-то вроде: «Девочка моя, что это за глупости...».

Я выключила запись.

– Кстати, – сказала я. – Проект я успела отправить. За пять минут до дедлайна. Костя восстановил его за два часа.

Я повернулась к свекрови.

– Вы, Ирина Павловна, всю жизнь боялись «свободных художников» и решили сделать из меня послушную клушу. Но просчитались. Я строю будущее. А вы так и остались в прошлом.

Повернулась к мужу.

– А ты, Дима... Ты так боялся повторить судьбу своей матери, что предал женщину, которую любишь. Ты выбрал не меня. Так что живи. Один. Когда я выиграю этот тендер, первое, что я сделаю найму лучшего адвоката по разводам. А эту запись я сохраню. На случай имущественных претензий. Это называется «умышленная порча имущества с целью получения выгоды». Интересная статья.

Я стою на балконе своей новой квартиры-студии. Стены – голый бетон, панорамные окна во всю стену. Это мой холст. Мой новый проект. В руке – бокал холодного совиного. Вдалеке растут краны на стройплощадке того самого эко-квартала. Моего квартала.

Телефон на столике вибрирует. Дмитрий. Я сбрасываю. Приходит СМС: «Алина, я хочу все исправить».

Я читаю, не меняя выражения лица. Моё будущее больше не зависит от его «прозрений». Снова звонок. Незнакомый номер.

– Алина Викторовна? Это из «Строй-Инвеста». Нам так понравилась ваша работа по кварталу, что мы хотели бы предложить вам возглавить наш новый отдел перспективного проектирования. Зарплата, команда, полный карт-бланш.

Я слушаю его, смотрю на свой город, раскинувшийся внизу. На огни, которые зажигаются в окнах. На жизнь, которая кипит.

Улыбаюсь. Спокойно. Уверенно.

– Спасибо за предложение, – отвечаю я. – Но я больше не работаю в системе. Я строю свою.

Кладу трубку, открываю ноутбук. На чистом листе я пишу заголовок: «Архитектурное бюро Алины Воронцовой». И начинаю работать. Свободная. Успешная. И несокрушимая.

Конец.

Как кухонный эксперимент свекрови оказался опасным для ребёнка – и что я сделала пока муж слепо доверял её советам

Это началось в два часа ночи. Сухой, лающий кашель из детской, который рвал тишину квартиры на части, как будто кто-то скреб по стеклу наждачной бумагой. Я рванулась к сыну. Шестилетний Даня сидел на кровати, обхватив колени, и отчаянно пытался вдохнуть. Его глаза, огромные в полумраке ночника, были полны ужаса.

Я не бросилась к телефону. Я бывший химик-лаборант, даже в приступе материнской паники действовала по протоколу. Мои пальцы, не дрогнув, легли на его горячий лоб, температуры нет. Я не прислушивалась к сердцу, я считала вдохи, двадцать восемь в минуту, тахипноэ.

Осмотрела кожу на предмет сыпи – чисто. Последние полгода я проваливала главный опыт своей жизни, не в силах найти переменную, которая медленно отравляла моего ребенка.

В дверях появился муж. Бледный Андрей, большой, сильный мужчина, сейчас выглядел абсолютно беспомощным. Он смотрел на нашего сына, и в его глазах я видела не просто страх. Видела старый, детский ужас, эхо давно прошедшей беды.

– Всё как со мной, – прошептал он, и его голос дрогнул. – Мне было лет пять. Такой же кашель. Мама поила меня травами с горьким медом, ставила горчичники, от которых жгло кожу... думала, простуда. А я задыхался. Я помню запах больницы, холодную клеенку на каталке... Врач сказал, еще час – и всё. Аллергическая астма.

Он говорил, а я понимала. Его мать, Галина Ивановна, медсестра на пенсии с сорокалетним стажем, не лечила нашего сына. Она отчаянно, с фанатичным упорством пыталась переписать свое провальное прошлое, искупить вину перед маленьким задыхающимся мальчиком, которым когда-то был ее собственный сын. И это делало ее опасной.

Конец.

Свекровь и золовка думали, я не замечу, как деньги со счета внука уходят на Дубай. На семейном ужине я показала им досудебную претензию

– Мам, а можно мне новый телефон? – Мишка смотрел на меня снизу вверх. – У меня паутинка, я плохо вижу буквы...

Я присела, погладила его.

– Конечно, солнышко. Папа вернется, и мы все решим.

Когда вечером я озвучила эту, казалось бы, простую просьбу Виктору, он тяжело вздохнул, отрываясь от ноутбука.

– Оля, опять траты? Мы же договорились – каждая копейка на Мишкин образовательный счет. Потерпит со своим телефоном. Не смертельно.

Я промолчала. Потому что он был прав. Мы действительно копили. А началось всё полгода назад с целого спектакля, разыгранного свекровью, Маргаритой Семеновной.

Она пришла к нам в субботний вечер, принесла свой яблочный пирог, от запаха которого дом мгновенно становился уютнее. Разливала чай, щебетала о внуке, а потом, тяжело вздохнув, начала свой главный номер.

– Я старею, Витенька, – сказала, глядя на сына. – Хочется оставить Мишеньке что-то весомое, на будущее. А у меня деньги от продажи дачи лежат мертвым грузом, инфляция их жрет. Я в этих ваших банках, процентах, ничегошеньки не понимаю. Олечка, ты у нас голова! Ты как положишь денежку она там сразу расти начинает! А я положу она только тает. Давай я их к вашему счету добавлю? Пусть на внука работают! А ты будешь всем управлять, я тебе доверяю!

Виктор просиял, глядя на мать.

– Мам, ты у нас самая лучшая! Вот что значит настоящая бабушка! Правда, Оля?

Я смотрела на свекровь, и что-то в ее словах было слишком сладким. Почему она, женщина с железной хваткой, державшая в кулаке всю семью и в одиночку провернувшая сделку по продаже дачи, вдруг прикидывается финансово неграмотной?

Но я посмотрела на счастливое лицо мужа, на его искреннюю веру, и промолчала. Задавить его радость казалось большим преступлением, чем поверить в эту сказку.

Первый тревожный звонок прозвенел через месяц. Лена, сестра Виктора, позвонила ему поздно вечером, рыдая в трубку.

– Братик, у меня трубу прорвало, соседей заливаю! У меня паника, я не знаю, что делать! Срочно нужно 50 тысяч, мастер сказал!

Виктор, бледнея, тут же перевел деньги с общего счета. А через несколько дней я случайно встретила на парковке у торгового центра соседку Лены.

– Оленька, привет! Ленка-то ваша молодец, – щебетала она. – Ремонт на кухне затеяла. Гарнитур новый поставила, белый, глянцевый, такой красивый!

Вечером я сказала Виктору:

– Витя, а какой ремонт Лена делает? Кухонный гарнитур – это не авария с трубой.

Он ушел в глухую оборону.

– Оля, ты опять считаешь копейки! Ну, может, она и на гарнитур добавила, тебе-то что? Мама разрешила! Это ее деньги!

И вот теперь я смотрела на свежее фото сияющей Лены с новеньким iPhone 15 Pro Max в руках. Внутри что-то оборвалось.

– Семья – это когда мы отказываем СВОЕМУ сыну в телефоне за 40 тысяч, чтобы твоя сестра могла купить себе телефон за 135? – спросила я мужа тем вечером. Почему мы оплачиваем красивую жизнь взрослой, трудоспособной женщины? Объясни мне эту математику, Витя, я не понимаю.

– Ты просто их не любишь! – взорвался он, не найдя логических аргументов. – Ты всегда была против моей семьи!

Я молча ушла в свою комнату. Время эмоций закончилось..

На следующий день взяла на работе отгул. В банке, с каменным лицом, запросила полную, заверенную выписку по счету. Через час я сидела в тихом углу кафе. Разложила на столе многостраничную выписку. Картина была чудовищной.

Свекровь не внесла ни рубля. Зато списаний было множество. Я открыла на ноутбуке страницу Лены в соцсети.

«Так, 15 июля. Перевод 150 тысяч рублей. Смотрим у Лены... ага, 17 июля, фото из аэропорта Дубая с подписью 'Спонтанный отпуск!'».

«2 сентября. Покупка в ge:Store на 135 тысяч. 3 сентября – Лена постит селфи с новым айфоном».

«14 октября. Перевод Елене В. 250 тысяч. 15 октября – пост 'Моя новая малышка!' на фоне красной Mazda».

Они воровали будущее у моего сына.

Мой следующий звонок был подружке-юристу.

– Свет, у меня тут ситуация, – изложила ей суть дела. – Есть инвестиционный проект «Будущее ребенка». Три инвестора: я, муж и свекровь. По факту, деньги вносили только двое. При этом один инвестор нецелевым образом выводит средства в пользу третьего лица с устного одобрения другого инвестора, который не вложил ни копейки. Квалифицируется?

– Оля, – присвистнула Света на том конце провода. – Да это мошенничество группой лиц. Вечером я сидела за ноутбуком. Создавала презентацию. С графиками и диаграммами.

В воскресенье я выбрала платье – строгое, но элегантное, как у топ-менеджера на совете директоров. Когда был вынесен торт, я встала с бокалом.

– Леночка, дорогая, я долго думала, что тебе подарить. И поняла, что лучший подарок – это финансовая грамотность. У меня для тебя есть небольшой аналитический отчет.

Поставила ноутбук на стол и открыла презентацию.

– Слайд номер один. «Структура капитала». Вот сумма, внесенная на «образовательный счет» нами. А вот сумма, внесенная Маргаритой Семеновной. Как видите, это ноль.

Свекровь побагровела: «Это клевета!».

– Слайд номер два. «Нецелевое использование средств». Вот диаграмма трат. Сектор «Поездка в Дубай» – 150 тысяч. «Новый айфон» – 135 тысяч. «Первый взнос за Mazda» – 250 тысяч. Всего выведено 535 тысяч рублей.

Лена вскочила: «Это мои личные дела! Ты не имеешь права!».

– Пока это оплачивалось с образовательного счета моего сына, это и мои дела тоже, – спокойно ответила я. – Поэтому вот мой подарок.

Достала из папки два документа.

– Это досудебная претензия с требованием вернуть незаконно присвоенные средства. А это – график погашения долга.

– Витя! – взвизгнула Лена.

Виктор сидел, белый как стена. «Оля, прекрати этот цирк!» – попытался он.

Я спокойно посмотрела на него. «Сядь, Виктор. И посмотри, куда уходило будущее твоего сына. Просто посмотри».

Именно в этот момент, глядя на неопровержимые цифры, он сломался.

– Мама, – сказал он тихо. – Ты знала об этом?

– Я... я просто хотела помочь Леночке!

– За счет моего сына?.

Он встал, подошел к сестре и взял досудебную претензию.

– Ты подпишешь. И будешь платить. А если нет, то моя жена, которая, как оказалось, разбирается в законах получше нас всех, действительно подаст на тебя в суд.

В машине Виктор долго молчал.

– Я смотрел на тебя там... – сказал он наконец, остановившись у обочины. – Ты была как... ледокол. Спокойная, несокрушимая. А я... я был тем айсбергом из дурацких отговорок, который ты разнесла вдребезги. Прости.

На следующий день мы с Мишкой пошли и купили ему новый телефон. А с первого платежа, который Лена, скрипя зубами, перевела, я открыла новый счет. На этот раз – только на свое имя. Когда банковское приложение предложило дать ему название, я, не колеблясь, напечатала: «Фонд независимости им. Миши». Будущее, которое я никому больше не позволю украсть.

Конец.

– Половина твоего бизнеса теперь моя! – заявил муж при разводе. Он забыл, что в первую брачную ночь я заставила его подписать один документ

В глазах моей свекрови, Тамары Игоревны, я была «удачливой девочкой». Той, что открыла миленький салон красоты, а он почему-то выстрелил.

Мой муж Владислав, смотрел на меня примерно так же. Я была его самым красивым аксессуаром, курочкой, несущей золотые яйца. И признаться, слишком долго играла эту роль.

Проблема зрела давно, прорастая сквозь трещины нашего брака. Неделю назад вернулась домой после тяжелого рабочего дня. Мы запускали новую линейку косметики «Aura by Anastasia» – мое детище, результат бессонных ночей и рискованных инвестиций. Воодушевленная, я рассказывала Владу о наших идеях, дизайне упаковки, маркетинговой концепции.

Он слушал вполуха, листая ленту в телефоне.

– Ага, миленько, – бросил он, не отрывая взгляда от экрана. – Ты, главное, не перетрудишься, котенок. Слушай, а назови эту линейку «Vlad & Nastya Beauty». Звучит же? Добавит солидности.

Я проглотила знакомый привкус обиды и отшутилась. Но этот эпизод был лишь очередным напоминанием: в его мире все мои достижения были лишь фоном для его величия.

На десятую годовщину нашей свадьбы Влад заказал столик в дорогом ресторане города. Он поднял бокал с шампанским.

– За нас! – провозгласил так громко, что обернулись соседние столики. – За нашу общую победу! Десять лет назад мы были просто мечтателями, а сегодня... посмотри вокруг! Всё это результат нашей общей работы. Я всегда верил в тебя, Настенька. Я был тем фундаментом, на котором ты смогла возвести свой прекрасный замок!

Я улыбалась, кивала и мысленно подсчитывала, сколько таких «общих побед» обойдется бюджету моей фирмы в этом квартале. Фундамент? Он был скорее красивым фасадом, который требовал постоянной реставрации за мой счёт.

– Ты лучшая, – прошептал он, когда официант принес десерт. – Никогда не сомневался в тебе.

В этот момент его телефон загорелся. Сообщение от некой «Кисы»: «Жду тебя, котёнок. Было незабываемо».

Мир не рухнул. Он просто стал кристально ясным. Смотрела на своего мужа, его ухоженное лицо, часы за полмиллиона на запястье, купленные мной, и видела не любимого мужчину.

Моя отчаянная, детская потребность в семейном тепле. Я выросла, наблюдая, как моя мать, после развода осталась с одним чемоданом, потому что полностью доверяла отцу. В семнадцать лет, помогая ей клеить обои в съёмной однушке, дала себе клятву: я могу довериться мужчине своё сердце, но никогда своё будущее.

На следующий день Влад пришел с огромным букетом роз. Стоял на коленях, клялся, что это ошибка, бес попутал, что без меня его жизнь не имеет смысла. Это была отточенная годами манипуляция, рассчитанная на мою слабость.

– Я всё прощу, – сказала глядя ему в глаза. – Кроме одного. Уходи.

Когда сказала о разводе, он презрительно усмехнулся.

– Думаешь, я без тебя пропаду? Наивная.

Через неделю начался ад. Сначала пришло письмо от его адвоката. 50% компании. Затем они перешли к психологической атаке. Тамара Игоревна пришла ко мне в салон.

– Настенька, я в тебя душу вложила, как в дочь, – начала она. – Ты разбиваешь ему жизнь, он же без тебя пропадёт! Подумай, что люди скажут!

Когда это не сработало, ее голос стал жестче.

– Если ты не отдашь ему половину, мы сделаем твою жизнь адом. У нас есть свидетели, которые докажут, что это он всё придумал. Ты останешься ни с чем.

Они не блефовали. Через день на сайтах-отзовиках появились десятки фейковых негативных отзывов о моих салонах. «Антисанитария», «хамство персонала», «испортили волосы». Мне начали звонить поставщики Тамара Игоревна где-то нашла их телефоны и рассказывала, что моя фирма на грани банкротства. Это была планомерная, грязная война, рассчитанная на то, чтобы сломать меня.

Той ночью я не спала. Сидела на холодном полу кухни, обхватив колени руками. Может, отдать им часть? Купить свое спокойствие? Может, они правы? Нет. Встала, подошла к сейфу и достала ту самую папку. Перечитала каждую строчку. И почувствовала, как возвращается решимость.

На следующий день сидела в кабинете адвоката, Льва Борисовича.

– Анастасия, вы уверены, что готовы идти до конца? – спросил он, посмотрев на меня поверх очков. – Они будут лить грязь и лгать. Это будет некрасиво. Вы выдержите?

– Да, – ответила я. – Готовилась к этому десять лет.

Суд превратился в театр абсурда. Душный воздух, скрипучие скамейки. Свекровь сверлила меня взглядом. Влад, в дорогом костюме, купленном на прошлой неделе с моей кредитки, с пафосом рассказывал, как он придумал название, лично утверждал дизайн и вдохновлял коллектив.

Я слушала и мысленно сопоставляла его ложь с реальностью. Утверждал дизайн? Он махнул рукой на мои эскизы и сказал: Бери самый дорогой вариант, не экономь. Вдохновлял? Он появлялся раз в месяц, чтобы взять деньги из кассы на расходы.

Потом вышли его свидетели. Мой адвокат слушал их с легкой улыбкой. Когда пришла его очередь, задал первому свидетелю, другу Влада, всего три вопроса.

– Скажите, пожалуйста, в каком году была зарегистрирована фирма «Анастасия Бьюти Групп»?

– Э-э-э... лет семь-восемь назад?

– Десять, – поправил Лев Борисович. – Назовите, пожалуйста, имя главного бухгалтера.

– Я... я с финансами не связан...

– Понятно. И последний вопрос: какой основной юридический адрес компании?

Свидетель покраснел и что-то промямлил про офис в центре. Второй свидетель, приятель по фитнес-клубу, встал и неожиданно произнес:

– Ваша честь, я не хочу лжесвидетельствовать. Владислав мой друг, но к бизнесу его жены он отношения не имел.

Фарс подходил к концу.

– Ваша честь, – встал Лев Борисович. – Защита не будет вызывать свидетелей. У нас есть только один документ, который мы просим приобщить к делу.

Расстегнул портфель, достал папку. Брачный договор.

Я помнила тот жаркий июльский день у нотариуса. Запах кофе. Моя улыбка. Влад, не глядя, подписал всё, торопясь выбирать свадебный костюм. И сейчас, в зале суда, видела, как это воспоминание пронеслось в его голове.

– Ваша честь, позвольте зачитать пункт номер три, – произнес Лев Борисович. – Всё имущество, в том числе акции, доли в уставных капиталах, а также доходы от предпринимательской деятельности, созданные или приобретенные каждым из супругов во время брака, являются их личной собственностью и не подлежат разделу в случае расторжения брака.

В зале стало так тихо, что я слышала, как гудит вентиляция. Тамара Игоревна издала, сдавленный стон. Судья, строгая женщина лет пятидесяти, медленно сняла очки, посмотрела на меня, а затем перевела взгляд на адвоката Влада.

– Иск отклонить.

Он был раздавлен.

Когда заседание закончилось, я вышла в коридор. Свекровь подбежала ко мне.

– Ты еще пожалеешь! – прошипела. – Ты останешься одна, никому не нужная!

Я спокойно посмотрела ей в глаза.

– Я уже была одна, Тамара Игоревна. Все десять лет, что жила с вашим сыном. Больше не буду.

Влад стоял у стены, в глазах была только пустота.

– Настя... Что мне теперь делать?

Я не ответила. Просто посмотрела на него, развернулась и пошла к выходу.

Вечером я сидела в своем кабинете с панорамными окнами. Смотрела на город в огнях. Взяла со стола свадебную фотографию в серебряной рамке, долго смотрела на нее. Затем открыла ящик стола, положила ее лицом вниз и закрыла. А потом набрала маму.

– Мам, привет. Помнишь, ты хотела съездить в санаторий? Собирай чемодан. Я все оплачу.

Повесила трубку и снова посмотрела на город. Думала о той семнадцатилетней девочке, которая клеила обои в съёмной квартире и клялась себе, что ее жизнь будет другой.

Конец.

– Твой долг ухаживать за мной! – заявила свекровь, сломав ногу. Я молча положила перед ней счет на 150 тысяч рублей за услуги сиделки

– Катя, я ногу сломала! – голос свекрови в трубке был полон трагизма шекспировской актрисы. – Перелом шейки бедра. Теперь я инвалид. На всю жизнь.

Я слушала ее, а на другом мониторе висел график запуска нашего нового проекта. Я руководитель IT-проекта. Мой мир – это дедлайны и совещания. Но я знала, что сейчас мне предстоит решать задачу, в которой нет ни логики, ни здравого смысла.

– Я сейчас приеду, Тамара Павловна, – сказала я, отменяя встречу с разработчиками.

Ее квартира была похожа на храм. На стенах – фотографии сына Игоря, от младенчества до свадьбы. Свекровь лежала на диване с загипсованной ногой и смотрела на меня.

– Все, Катя. Отжила я свое. Теперь буду лежать, в потолок плевать. А кто мне стакан воды подаст?

– Мы найдем вам лучшую сиделку. С медицинским образованием. Составим график...

– Сиделку? – посмотрела на меня, как на предательницу. – Чужого человека в мой дом? Нет! Ты – жена моего сына. Моя невестка. Твой долг – ухаживать за мной.

Я похолодела. В ее словах я услышала эхо голоса своей матери: «Я для тебя все, а ты неблагодарная!».

– Но... у меня работа. Запуск проекта...

– Работа? – горько усмехнулась она. – Я сына сорок лет растила, ночей не спала. А что сделала ты?

Пришла на все готовенькое, в нашу семью. Так будь добра, отработывай. Твои бумажки в офисе подождут. А мать – ждать не может.

Вечером я пересказала этот разговор Игорю. Он выглядел уставшим.

– Катя, я поговорю с ней, потерпи, – говорил он, избегая моего взгляда. – Она сейчас напугана, поэтому и ведет себя так. Ей нужно предложить такое решение, от которого она просто не сможет отказаться, понимаешь? Такое, чтобы любой ее отказ выглядел как полный абсурд. Но я пока не знаю, какое.

Я видела, как он разрывается.

Следующие две недели превратились в ад. Я срывалась с работы, чтобы привезти ей обед. Тратила вечера на уборку в ее квартире. А она становилась все требовательнее.

– Суп несоленый. Подушка неудобная. Ты плохо стараешься, Катя.

Однажды, когда я принесла ей обед, она долго смотрела на меня, а потом сказала тихим, ядовитым голосом:

– Знаешь, а Игорь мне рассказывал про твою маму. Про то, как она всю жизнь собой жертвовала, а потом попрекала этим всех вокруг. Так вот, ты, деточка, еще хуже. Ты даже жертвовать не хочешь. Просто эгоистка. Вся в отца, наверное.

Я замерла, держа в руках поднос. Это был удар. Точный, выверенный, прямо в мой самый главный страх. Она не просто манипулировала. Взяла детскую травму, которую ей, раскрыл мой муж, и использовала ее как оружие.

На прошлой неделе я опоздала на утренний созвон, потому что свекровь потребовала сварить ей кашу. Мой главный разработчик посмотрел на меня в Zoom с немым укором. Днем позже я забыла отправить важное письмо, потому что Тамара Павловна трижды звонила мне с жалобами на сиделку. Мой начальник, который всегда ставил меня в пример, в пятницу вызвал меня на разговор.

– Катя, у тебя все в порядке? – спросил он мягко. – Ты стала рассеянной. Команда это чувствует. Проект на грани срыва.

Я стояла в его кабинете, кивала и что-то лепетала про «семейные обстоятельства», а внутри все сжималось от унижения. Ее капризы стоили мне не только нервов. Они стоили мне моей репутации.

В тот вечер я позвонила своей старой подруге Маше.

– Маш, я чудовище, – выпалила я, едва сдерживая слезы. – Она сказала, что я эгоистка, как мой отец. И я... я ведь и правда думаю только о своей работе...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.